Почему Марксъ и Энгельсъ, въ теченіе нѣкотораго періода времени, такъ сильно вѣрили въ приближеніе соціальнаго переворота въ западно-европейскихъ промышленныхъ странахъ и не разъ предсказывали его въ очень близкомъ будущемъ? Потому, что они вѣрили въ неминуемую гибель буржуазнаго общества подъ вліяніемъ самого экономическаго процесса; потому, что, въ ихъ представленіи, развитіе капиталистическаго способа производства неудержимо влекло буржуазное общество къ невозможному положенію, къ экономическому абсурду. Объ одномъ изъ этихъ экономическихъ абсурдовъ мы уже говорили: буржуазія, согласно идеѣ Коммун. Манифеста, сама подготовляла все болѣе и болѣе опасные для нея промышленные кризисы и въ то же время уменьшала средства противодѣйствія имъ. Другой такого же рода экономическій абсурдъ, долгое время прочно ассоціировавшійся въ головахъ первыхъ соціалъ-демокротовъ съ идеей капиталистическаго развитія, заключался въ томъ, что вмѣстѣ съ этимъ развитіемъ всѣ средства производства и всѣ накопляющіяся богатства должны были, по ихъ представленію, все болѣе и болѣе сосредоточиваться въ немногихъ рукахъ; такимъ образомъ экономическое господство должно было все болѣе и болѣе превращаться во всепоглощающую власть немногихъ единицъ надъ всѣмъ остальнымъ обществомъ; личный составъ господствующаго меньшинства долженъ былъ все болѣе и болѣе суживаться и стремиться, какъ къ своему предѣлу, къ единому всемогущему обладателю всѣхъ средствъ производства, къ единому всемогущему диктатору.

Въ очень распространенной когда-то книжкѣ такого виднаго марксиста, какимъ былъ Либкнехтъ, а именно въ его „Zur Grund- und Bodenfrage“, можно прочесть по этому поводу слѣдующее мѣсто: „Конечнымъ послѣдствіемъ частной собственности на землю и капиталистическаго производства является концентрированіе собственности, богатствъ и власти въ однѣхъ рукахъ. Единый лэндлордъ, владѣтель всѣхъ земель и хозяинъ всѣхъ фабрикъ, монополизировавшій все земледѣліе и всю индустрію, имѣющій у себя въ наймѣ всѣхъ гражданъ и устанавливающій по своему произволу цѣны на всѣ жизненные припасы и другіе продукты, — единый пастырь и едино стадо, единый рабовладѣлецъ, выгоняющій своимъ бичомъ на работу своихъ деревенскихъ и городскихъ рабовъ; словомъ, такая политическая и экономическая зависимость, по сравненію съ которой даже положеніе древнихъ египтянъ при фараонахъ казалось бы архи-демократическимъ, — вотъ апогей, вотъ конечная цѣль и идеалъ современной капиталистической культуры“ (стр. 175).

Нечего говорить о томъ, что подобная тенденція, если бъ она дѣйствительно вытекала изъ экономическихъ основъ буржуазнаго строя, изъ законовъ капиталистическаго способа производства, была бы одна равносильна его уничтоженію. Если бы личный составъ буржуазіи все болѣе и болѣе суживался, отбрасывая своихъ членовъ въ низшіе общественные слои, то поддержаніе политическаго господства стало бы для нея невозможнымъ; это былъ бы такой же процессъ саморазрушенія, какъ и при постоянно возрастающихъ экономическихъ кризисахъ. Но мы знаемъ, что ничего подобнаго не имѣется налицо и что позднѣйшіе теоретики соціалъ-демократической школы должны были отбросить также и эту первоначальную идею и придать тезису Маркса относительно концентраціи капитала совсѣмъ другое толкованіе.

„Марксъ и Энгельсъ никогда не отрицали, что число капиталистовъ возрастаетъ — читаемъ мы теперь у Каутскаго, — это возрастаніе составляетъ, напротивъ того, естественное послѣдствіе расширенія капиталистическаго способа производства... Но одновременно съ этимъ быстро растетъ также и пролетарское населеніе, быстрѣе, чѣмъ общее населеніе страны. Отсюда уже можно заключить, — въ чемъ мы еще болѣе убѣдимся впослѣдствіи, — что приростъ капиталистовъ долженъ происходить не на счетъ пролетаріата, а на счетъ другихъ слоевъ населенія — мелкой буржуазіи и крестьянства“ [1]).

Такимъ образомъ, концентрація капитала понимается теперь Каутскимъ уже не въ смыслѣ сосредоточенія средствъ производства въ рукахъ все меньшаго и меньшаго числа лицъ, а въ смыслѣ все большаго и большаго расширенія размѣровъ самого капиталистическаго способа производства, въ смыслѣ стремленія капитала захватывать въ свою власть все новыя и новыя средства производства и вводить ихъ въ сферу крупной промышленности, — словомъ, въ смыслѣ замѣны разсѣяннаго и раздробленнаго мелкаго производства сконцентрированнымъ крупнымъ производствомъ. Отсюда вытекаетъ, конечно, само собою, что общее число капиталистовъ можетъ постоянно возрастать и, какъ мы знаемъ, постоянно возрастаетъ на самомъ дѣлѣ, при чемъ это нисколько не противорѣчитъ теоріи концентраціи. „Теорія Маркса утверждаетъ только, — говоритъ Каутскій — что (при общемъ приростѣ населенія) всего быстрѣе возрастаетъ классъ наемныхъ рабочихъ и крупная бур-

[1]) „Bernstein und das sozialdemokratische Programm“, стран. 84—85.